

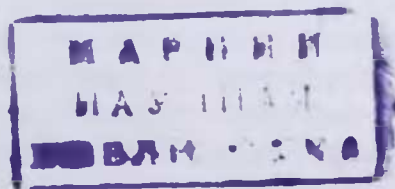
Т 5(4)
902-7
С 56

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

56851

★ 9 АПР 1973

5

1 9 5 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Э. МАСАНОВ

ИЗ ИСТОРИИ РЕМЕСЛА КАЗАХОВ

*(Вторая половина XIX — начало XX в.)*¹

Исторические сведения о ремесленной деятельности этнических групп, из которых складывалась казахская народность, уводят нас в глубокую древность. Археологические раскопки и письменные памятники свидетельствуют, что на протяжении тысячелетий племена, жившие на территории Казахстана, широко использовали металл, камень, кость, глину, дерево, шерсть и другое сырье для производства различных хозяйственных и бытовых предметов. Казахский народ не только унаследовал навыки ремесла и искусство своих предков, но и значительно обогатил их.

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые вопросы, связанные с развитием казахского ремесла во второй половине XIX — начале XX в. Это была эпоха развития капитализма в России, который втянул в орбиту своего влияния и территорию современного Казахстана. В результате этого, несмотря на политику царизма, тормозившего экономическое развитие окраин России, здесь зарождались элементы капиталистического хозяйства, росли товарно-денежные отношения, шел процесс хозяйственного сближения и объединения этой окраины с остальной Россией, разрушались натуральные формы хозяйства и развивались такие прогрессивные явления, как оседлость, земледелие, сенокосение. Последнее было обусловлено переходом к более передовым формам скотоводства, связанным с частичной заготовкой кормов.

Вследствие постепенного распада натурального хозяйства возрастали потребности казахского населения в изделиях промышленности и ремесла. Появился спрос на мало известные до тех пор столярные, токарные, слесарные, кузнечные изделия казахских ремесленников. Некоторые из них были издавна предметом вывоза в другие области России, например войлок, шерстяная ткань домашнего производства (армячина), веревки, шорные изделия; в этот период, в связи с общим оживлением торговли, спрос на них значительно возрос.

Двойной гнет — царизма и местных феодалов — ложился на плечи трудящихся все более тяжелым бременем. С каждым годом росла армия бескотных бедняков (жатаков), не имевших возможности кочевать. Оставаясь в районах зимовок, жатаки в поисках средств существования обращались к нескотоводческим занятиям: земледелию, сенокосению, рыболовству, а также к ремеслу.

¹ Статья написана по материалам экспедиции Академии наук Казахской ССР в 1956 и 1957 гг. в Акмолинскую, Актюбинскую, Кокчетавскую и Кустанайскую области, в которой автор принимал участие.

Наряду с ремесленниками-жатаками в казахских аулах были и потомственные мастера: серебряники, столяры, токари, камнерезы, костерезы, но они составляли меньшинство. Основной контингент казахских ремесленников в XIX в. формировался именно из жатаков. Это отмечалось и дореволюционными исследователями².

Однако в течение некоторого времени жатаки еще надеялись в будущем восстановить свое скотоводческое хозяйство и вернуться к прежнему образу жизни. Кроме того, заказов на продукцию их ремесла было недостаточно, а оплата часто бывала произвольной, не вознаграждавшей их полностью за затраченный труд. Поэтому ремесленники обычно продолжали заниматься частично земледелием и скотоводством³.

К началу XX в., когда бедняки потеряли надежды на восстановление своего скотоводческого хозяйства, многие ремесленники полностью переключились на занятие ремеслом, но их семьи все же уделяли внимание сельскому хозяйству. Занятие ремеслом обеспечивало лишь прожиточный минимум, но не давало возможности делать накопления. Поэтому в народе говорили: «Ремесленник не бывает ни голодным, ни богатым». Д. У. Белов, русский купец, проживший два года среди казахов, писал о кузнечном деле, что оно «у киргиз пользы не приносит, ремесленнику остается за издержкой небольшое за труды вознаграждение»⁴.

За свои труды ремесленники чаще всего получали натуральную оплату лошадьми, баранами, шерстью и пр. Размер ее устанавливался преимущественно по обычаю. Так, Ш. Мусекенов (из совхоза «Херсонский» Кызылтуского района Кокчетавской области) рассказывал, что за деревянную кровать, украшенную росписью и инкрустацией, обычно давали кобылу с жеребенком, за седло со стремянами — барана. Но предварительной договоренности между ремесленником и заказчиком об оплате труда, как правило, не было. Исходя из обычая, они молчаливо предполагали определенную плату. Однако феодально-байская верхушка общества, присваивавшая себе лучшие изделия ремесленников, часто не считалась с обычаем и оплачивала работу по своему усмотрению. Баи эксплуатировали ремесленников так же, как и остальное трудовое население казахских аулов.

Натуральная оплата труда ремесленников задерживала развитие товарного обращения. Все, что получал ремесленник, а получал он мало, шло на его личное потребление. Такое положение было характерно и для других народов Средней Азии. Но в отличие от казахов, у которых каждый заказчик в отдельности платил ремесленнику, каракалпаки, например (согласно полевым материалам Т. А. Жданко), содержали ремесленников всей общиной.

У казахских ремесленников, как правило, не было специальных мастерских. Только кузнецы устраивали некоторое подобие кузницы, да и то в жилом помещении. Это было вызвано полукочевым образом жизни населения. Чтобы иметь более или менее постоянные заработки, ремесленники следовали за кочующими аулами. В таких условиях инструментарий сокращали до минимума и делали его портативным⁵.

Таким образом, постоянные перекочевки населения отрицательно сказывались на развитии ремесла. Тем не менее изделия ремесленников, в особенности кузнецов, серебряников, костерезов, камнерезов, мастеров по дереву, были превосходны. «Киргиз от природы очень способен к разного рода ремеслам, — писал М. А. Леваневский, — и только нужно удивлять-

² А. К. Гейнс, Собрание литературных трудов, СПб., 1898, т. II, стр. 127—128.

³ Б. Юзифович, О быте киргизов Тургайской области, «Русский вестник», М., 1880, кн. IV, стр. 817; Центральный государственный исторический архив КазССР (в дальнейшем цит. ЦГИА КазССР), ф. 393, оп. 1, д. 19, св. 3, л. 29.

⁴ Д. У. Белов, О киргизах по Сыр-Дарье, 1868—1869 гг., Рукописный отдел Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Г—IV, № 551, л. 443. До Октябрьской революции казахов в России, как известно, называли киргизами.

⁵ А. К. Гейнс, Указ. раб., т. I, стр. 419.

ся, как он с самыми незатейливыми инструментами выделяет прекрасные ленчики для седел, как из его, по-видимому, неуклюжих рук выходят прекрасные серебряные и золотые вещи; обувь киргизской работы очень прочна и замечательно ловко обтягивает ногу»⁶.

В обработке шерсти и кожи — основного у казахских ремесленников сырья — принимали участие и мужчины и женщины.

Войлочное производство являлось, без преувеличения, самым важным и наиболее развитым видом промысла казахов. Войлок шел на покрытие юрты, на изготовление халатов, чулок, головных уборов, узорных кошм, ковров, чехлов на различные предметы; кроме того, войлок шел на продажу в виде отдельных кусков, которые продавали на аршин. Только та семья могла перенести суровую зиму, которая запасалась достаточным количеством войлока⁷. Этими причинами и объясняется участие в войлочном производстве мужчин, женщин и подростков.

Некоторые искусные мужчины занимались даже раскроем войлока и тканей для выделки различных изделий. Общеизвестно, что на швейных машинах типа «Зингер» одежду шили у казахов и мужчины, и женщины.

Мужчины оказывали помощь женщинам и в других работах, например в изготовлении растительных красок, деревянных частей ткацкого станка «өрмек» и т. д. Очень часто мужчины занимались и витьем веревок. В Музее антропологии и этнографии в Ленинграде сохранился фотоснимок, запечатлевший витье веревки пожилым мужчиной и двумя женщинами⁸. Аналогичный снимок помещен и в «Туркестанском альбоме» А. Л. Куна и М. И. Бродовского⁹.

Но если в обработке шерсти и выделке изделий из нее женский труд преобладал над мужским, особенно там, где промысел был чисто домашним, то в обработке кожи мужчины участвовали наравне с женщинами. Пошивкой обуви и шорным делом были заняты главным образом мужчины. Эволюция казахского ремесла шла в том направлении, что во многих отраслях, где прежде были заняты только женщины, стал все шире применяться и труд мужчин.

Во второй половине XIX в. в казахских аулах, наряду с ремесленным производством на заказ, стало развиваться производство на вольный рынок. В этом отношении важное значение имели развитие товарно-денежных отношений и укрепление связей ремесленников с рынком. Но этот процесс шел не везде одинаково. В местностях, сильно отдаленных от городских центров и ярмарок, с преимущественным развитием скотоводческого хозяйства, например на юге Акмолинской области и в Тургайском уезде, ремесленные изделия изготовлялись только на заказ, а на рынок попадали лишь спорадически. Производство на рынок развивалось главным образом в аулах, расположенных поблизости от городов, ярмарок, железных дорог. В 1870-х годах Муса Чорманов, знаток казахского быта, имея в виду кустарное производство в Павлодарском уезде, писал: «Вообще промыслы оседлого характера привились преимущественно (если не исключительно) в среде подгородных киргизов»¹⁰. То же происходило и в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях¹¹.

⁶ М. А. Леваневский, Очерки киргизских степей Эмбенского уезда, «Землеведение», М., 1894, кн. III, стр. 52.

⁷ Подробнее это рассмотрено в рукописи автора «Войлочное производство казахского народа во второй половине XIX — начале XX в. (По полевым материалам, собранным в Акмолинской, Кокчетавской, Кустанайской областях)» (в печати).

⁸ Музей антропологии и этнографии (в дальнейшем цит. МАЭ), фотоколлекция С. М. Дудина, инв. № 1199—443.

⁹ А. Л. Кун, М. И. Бродовский, Туркестанский альбом. Часть промысловая, СПб., 1871—1872, л. 44, рис. 3.

¹⁰ М. Чорманов, О скотоводстве у киргиз Западной Сибири, «Сельское хозяйство и лесоводство», СПб., 1883, январь, стр. 39.

¹¹ Г. С. Загряжский, Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи, газ «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1874, № 27, стр. 106.

В. И. Ленин указывал: «В пореформенной России рост мелких промыслов, выражающий собой начальные шаги развития капитализма, проявлялся и проявляется двояко: во 1-х, в переселении мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселенных и в экономическом отношении наиболее развитых губерний на окраины; во 2-х, в образовании новых мелких промыслов и расширении существовавших раньше промыслов в местном населении»¹². Этот двоякий путь развития ремесла во второй половине XIX в. отчетливо прослеживается и у казахов¹³. Но мелкие промышленники и ремесленники, переселявшиеся на территорию Казахстана, устраивались на жительство главным образом в городской местности¹⁴. Поэтому для развития казахского ремесла гораздо большее значение имело переселенческое движение в последние десятилетия XIX в., так как среди переселенцев было немало ремесленников. Они поселялись в русских селах, возникавших по соседству с казахскими аулами, и основывали там свои заведения. Казахи нередко нанимались на работу в русские села, изучали там ремесло, а затем успешно применяли полученные знания в своих аулах. Бывали и такие случаи, когда русские ремесленники селились в казахских аулах и выполняли заказы местного населения. Так, Габдулла Аманов, житель Джетыгаринского района Кустанайской области, рассказал, что некогда у них в ауле около десяти лет жил русский кузнец-переселенец, выполнявший заказы казахов. Аманов часто приходил к нему и со временем изучил кузнечное дело. Когда в 1899 г. русский кузнец переселился в Туркестан, Аманов приобрел его кузницу со всеми инструментами.

Большое значение для развития казахского ремесла имело и растущее разложение крестьянства; с каждым годом в аулах увеличивалось число людей, обращавшихся к ремеслу. С другой стороны, некоторые зажиточные казахи занимались скупкой ремесленных изделий и перепродажей их на рынке. О появлении во второй половине XIX в. таких скупщиков рассказал нам седельный мастер А. Баймаганов из Энбекшильдерского района Кокчетавской области. В молодости он вместе со своим отцом круглый год занимался изготовлением ленчиков — деревянной основы седла. Но оба они находились в долговой кабале у бая и отдавали ему всю свою продукцию; тот отвозил ленчики на рынок и продавал их в розницу.

В большей степени скупкой казахских ремесленных изделий занимались русские и татарские купцы и их приказчики¹⁵. Они скупали главным образом изделия из шерсти и волоса: войлок, армячину, паласы, арканы, а также, например в Кокчетавском уезде, арбы для караванов, золотые и серебряные изделия, выделанные кожи.

В дореволюционной литературе утверждалось, что казахи не производили специально для продажи изделий из шерсти и волоса, а продавали только их излишки «за удовлетворением домашних потребностей»¹⁶. На самом же деле во второй половине XIX в. в казахских аулах выросло и кустарное производство изделий из шерсти и волоса¹⁷. Это было установлено, в частности, анкетным опросом населения, организованным Оренбургско-Тургайским комитетом овцеводства в 1911 г. На основании этих анкет А. А. Васильев подсчитал, что в Актюбинском уезде было 522, в Кустанайском — 200, в Тургайском — 20 и в Иргизском — 2439 хозяйств, «специально занимавшихся выделкой изделий из продуктов овцеводства,

¹² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 292.

¹³ Е. Б. Бекмаханов, Присоединение Казахстана к России, М., 1957, стр. 202.

¹⁴ «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1957, стр. 419—426.

¹⁵ «Статистика Российской империи», т. XXVII, вып. 5 — Семипалатинская область, СПб., 1895, стр. 33—34; ЦГИА КазССР, ф. 460, оп. 1, д. 26, св. 3, л. 66.

¹⁶ «Обзор Семипалатинской области за 1884 г.», Семипалатинск, 1885, стр. 26.

¹⁷ Этот вопрос подробно рассматривается автором в указанной выше работе «Войлочное производство казахского народа...».

как то: кошм, ковриков, тесьмы, веревок, валенок, мешков, армячины, чапанов и др.» для продажи на рынках Тургайской области¹⁸.

Развитию кустарного производства способствовали обилие и дешевизна в казахских аулах сырья: шерсти, волоса, кожи, дерева, камня — при условии близости рынков. Ремесленники, наряду с изделиями из шерсти, выделявали для продажи деревянные каркасы юрт, мебель, посуду.

Особое место заняла выделка изделий из кожи. Шорники продавали в большом количестве сбрую, ремни, которые охотно приобретало и русское население; казахские шорники «пользовались у русских даже некоторой популярностью»¹⁹. Некоторые кустари специализировались на выделке конских тебеньков, т. е. кожаных щитов на потниках с тиснением. Работа одного из таких мастеров описана в газетной статье (1897) с характерным названием «Киргизы-кустари»²⁰. С 1860-х годов быстро возрасла выделка кож для продажи²¹. Но это производство не смогло выдержать конкуренции с русскими товарами и к середине 1880-х годов заглохло²².

Аналогичное положение было и в кузнечном деле. Поэтому для второй половины XIX — начала XX в. характерно свертывание самостоятельного производства металлических изделий казахскими кузнецами и переход их исключительно на ремонт изделий по заказам местного населения. В «Обзоре Акмолинской области за 1906 г.» говорится: «Ранее киргизы сами выделяли металлическую посуду, например, умывальные кувшины, тазы, казаны, но теперь это ремесло совершенно вытеснено привозным товаром»²³.

К концу XIX в. в некоторых частях Казахстана население целых аулов занималось одним каким-либо ремеслом. О посещении такого аула Тургайской области в 1880-х годах пишет автор опубликованной позднее газетной статьи. Жители аула — байгуши (бедняки), как называет их автор, специально прикочевали к Оренбургу на время Меновинской ярмарки с целью продажи своей основной продукции: каркасов юрт и надгробных каменных памятников²⁴.

По рассказам наших информаторов, в Акмолинской области до Октябрьской революции большой известностью пользовались кузнецы и серебряники из аула Он бес уста (Пятнадцати мастеров).

Существование аулов ремесленников было установлено и экспедицией под руководством Ф. А. Щербины. «Обыкновенно, если какое-нибудь хозяйство из аула занимается лесным промыслом, — говорится в материалах экспедиции, — так и остальные хозяйства занимаются также им. Это замечается не только по отношению к лесному промыслу..., а и к многим другим. Так, несколько аулов I старш. Омской волости, имеющих зимовки по соседству, занимаются плетением из ремешков вожжей, уздечек, кнутов и т. п. То же и относительно плетения коробов, добычи соли и др.»²⁵.

Плетением кнутов занимались и казахи Тургайской области. «Ногаечный и кнутовой промысел, — писал Я. Я. Полферов, — составляет видную статью денежного обмена киргизов»²⁶.

¹⁸ А. А. Васильев, О современном положении овцеводства в Тургайской области и Оренбургской губернии, «Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве с 23 по 26 сентября 1912 г.», М., 1913, т. I, ч. I, стр. 190.

¹⁹ «Обзор Акмолинской области за 1906 г.», Омск, 1907, стр. 27—28.

²⁰ А. В. Киргизы-кустари, «Тургайская газета», 1897, № 80.

²¹ Л. Мейер, Киргизская степь Оренбургского ведомства, СПб., 1865, стр. 189—190.

²² «Материалы по киргизскому землепользованию» в дальнейшем цит. МПКЗ) т. I — Кокчетавский уезд, Воронеж, 1898, стр. 101.

²³ «Обзор Акмолинской области за 1906 г.», Омск, 1907, стр. 28.

²⁴ Н. Иванов, По киргизской степи, газ. «Тургайские областные ведомости», 1899, № 16—17.

²⁵ МПКЗ, т. II — Омский уезд, Омск, 1902, стр. 65.

²⁶ Я. Я. Полферов, Тургайская область на Всероссийской художественной и промышленной выставке в Нижнем-Новгороде 1896 г., М., 1896, стр. 32, № 22.

К сожалению, пока еще нет данных для изучения особенностей производства в таких ремесленных аулах; можно полагать, что там появилось уже разделение труда, существовали своеобразные формы ремесленной организации и сбыта продукции.

Во всяком случае, несомненно, что развитие ремесла в Казахстане шло по тому же пути, по которому развивалось ремесло и в центральных губерниях России, но более медленно и мучительно. «По мере упадка натурального хозяйства, — писал В. И. Ленин, — один за другим вид обработки сырья превращался в особые отрасли промышленности; образование крестьянской буржуазии и сельского пролетариата увеличивало спрос на продукты мелких крестьянских промыслов, доставляя в то же время и свободные рабочие руки для этих промыслов и свободные денежные средства»²⁷.

Однако этот процесс не получил у казахов окончательного завершения. Разложение натурального хозяйства и развитие капитализма задерживались вследствие колониальной политики царизма, стремившегося превратить восточные окраины исключительно в рынок сбыта и источник сырья для капиталистической промышленности России. Поэтому многие отрасли казахского ремесла, не успев окрепнуть, исчезали.

Тем не менее производство казахских ремесленников было значительным. Они ежегодно выделяли тысячи каркасов юрт, десятки тысяч телег, седел; почти все женщины носили какое-нибудь украшение, изготовленное серебряником; в каждом жилище имелось определенное количество деревянной мебели и посуды, сапожники обували почти все население, на русских ярмарках ежегодно продавали миллионы аршин войлока, армячины, веревок и т. п. Однако материальное положение самих ремесленников было тяжелым. Они всю жизнь трудились на других. Их лучшие изделия присваивались господствующей верхушкой общества. Не случайно о ремесленниках казахи говорили: «Не украсивший узором свой дом, украшает чужой дом».

* * *

Рассмотрим более подробно технику и состояние казахского ремесла во второй половине XIX — начале XX в. на примере одной его отрасли — деревообделочного производства.

Со второй половины XIX в. значительно увеличилось в казахских аулах строительство деревянных домов и хозяйственных помещений. В этом деле большую помощь казахам оказали русские крестьяне и рабочие²⁸. Со временем и среди казахов появились профессиональные плотники, выполнявшие заказы не только в аулах, но и в городах. В 1860-х годах М. Чорманов писал: «В плотничьем мастерстве, преимущественно в постройке домов, нужно отдать справедливость киргизам Баянаульского округа..., которые даже в настоящее время строят дома в Павлодаре для русских»²⁹.

В XIX в. в Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях существовали определенные центры деревообделочного производства, главным образом в местностях, богатых лесом, а также по долинам рек, где рос тальник. Широкой известностью пользовались кокчетавские и акмолинские мастера-деревообделочники из рода Керей. О них говорили в народе: «Если у керей родится сын, то для дерева родится мастер».

Мастеров по изготовлению каркаса юрты казахи называли «уйши». Однако не все уйши приготавливали целиком каркас юрты. Долговечность

²⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 296.

²⁸ Т. И. Тихонов, Хозяйственный быт киргизов Степного края, «Тургайская газета», 1901, № 12.

²⁹ М. Чорманов, Заметки о киргизах Павлодарского уезда, «Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», кн. 32, Омск, 1906, стр. 13—14; ср. А. К. Гейнс, Указ. раб., т. I, стр. 338.

отдельных частей каркаса была различна. Если, например, верхний круг юрты (шанрак) мог служить десять и более лет, то решетки юрты (кереге) и жерди (уык) требовали ежегодного ремонта. С другой стороны, не каждый мастер мог изготовить хороший шанрак, да и подходящий материал не везде можно было достать. Поэтому в этом производстве рано наметилось разделение труда, которое развилось во второй половине XIX в. Мастеров, изготавливавших только кереге и уык, стали называть «керегеш», «уыкши», а изготавливавших шанрак — «шанракшы»³⁰.

Лучшим лесом для изготовления кереге и уык казахи считали тальник. Это нашло отражение и в одном благопожелании: «Да будет кереге твое из тала, а счастье в скоте»³¹. Шанрак изготавливали главным образом из березы, а также из рябины и клена. Хорошие мастера для прочности и красоты делали обод шанрака из цельной березовой жерди.

Инструменты шанракши были несложны. К ним относились теслообразные топоры (шот), стамески (кашау), сверла и буравы (уски, бургы), жегала (калам-темир), струги с двумя ручками и вогнутыми лезвиями (жонгы), ножи (пышак) и т. п., а также топоры (балта), пилы (ара).

Как сообщил нам Альгожа Каркыпбаев из Энбекшильдерского района, для обода шанрака выбирали стройную молодую березу диаметром в один карыс (карыс = 18—20 см) и длиной в 30—35 карыс. После очистки от сучьев и коры ствол березы стесывали топором с противоположных сторон и раскалывали или распиливали на две равные части. В результате получали заготовки на два обода шанрака, которые поочередно сгибали в правильный круг. Для выполнения этой операции служил специальный станок «он еки шабакты калып» — обруч с двенадцатью спицами. Станок укрепляли перед началом работы на земле, а рядом с ним на расстоянии 8—10 см вбивали несколько колышков «казык». Березовую заготовку, предварительно распаренную в тлеющем кизяке, мастер вставлял одним концом в пространство между станком и указанными колышками и огибал вокруг станка; при этом помощник мастера вбивал в землю вплотную к заготовке, по мере того как ее сгибали, три десятка колышков. Затем концы заготовки связывали ветками, станок убирали, а вместо него в землю вбивали с внутренней стороны обода еще десяток колышков. Удерживаемый всеми этими колышками в неподвижном положении обод сушили в зависимости от погоды от 7 до 15 дней. В дальнейшем концы обода скрепляли наглухо ремешками, жостью, гвоздями и другими скрепами, а на самом ободе прожигали жегалом (калам-темир) четырехугольные косые отверстия для уыков. Составной обод шанрака казахи изготавливали редко.

Необходимую кривизну планкам кереге и уыков казахские мастера придавали при помощи станка «тез», который был широко распространен. Он представлял собой обрубок дерева диаметром в 25—30 см и длиной 100—130 см с пазом, вырезанным перпендикулярно длине ствола. Встречались станки и другой формы. При постановке на землю тез опирался на козлы или какую-нибудь другую подставку, а иногда на собственную развилку, если она была на дереве.

Во время работы (тез басу) мастер вставлял в паз станка конец жерди и сгибал ее тяжестью своего тела. Мастера использовали тез и в качестве верстака. На нем выполняли все подсобные операции по обработке дерева: рубку, стружку, очистку от коры и т. д. Вставив жердь в паз и заклинив ее в нем, мастер мог работать обеими руками. При необходимости на тезе можно было и выпрямлять кривые жерди. Отсюда поговорка: «Возле теза кривое дерево не лежит».

Все заготовки для кереге и уыков мастера, прежде чем согнуть их на тезе, распаривали в специальных печах — «мор» и «обын», называвшихся

³⁰ См. «Киргизско-русский словарь», Оренбург, 1897, стр. 229.

³¹ Н. Н. П а н т у с о в, Киргизские благопожелания, «Изв. об-ва истории, естествознания и этнографии при Казанском ун-те», Казань, 1909, т. XXV, вып. 1, стр. 43.

часто собирательным термином (кыздыратын пеш), а также в тлеющем кизяке.

По рассказу С. Дамкенова из Энбекшильдерского района, печь «обын» — это траншея длиной в 3,5 м, шириной и глубиной 40—50 см, с дымоходом в одном конце и тремя перекладинами сверху. Во время работы (обын салу) мастер укладывал на перекладины печи восемь жердей и, закрыв траншею дерном, затапливал печь. За день он успевал нагреть и выгнуть на тезде до ста жердей.

Рис. 1. Резная дверь юрты (Иргизский р-н Актюбинской обл.)

Печь «мор» делали прямоугольной формы, длиной в 3,5 м и высотой и шириной в 30—40 см, выкладывая ее на поверхности земли из кирпича. В конце ее устраивали трубу высотой до 2,5—3 м с колпаком. Во время работы (мор салу) жерди закладывали прямо в трубу.

При отсутствии печей мастер поджигал кучи кизяка и через некоторое время втыкал в них намоченные жерди. Готовность жердей для сгибания проверяли наощупь голый рукой. Если жерди обжигали руку, то они считались готовыми к сгибанию.

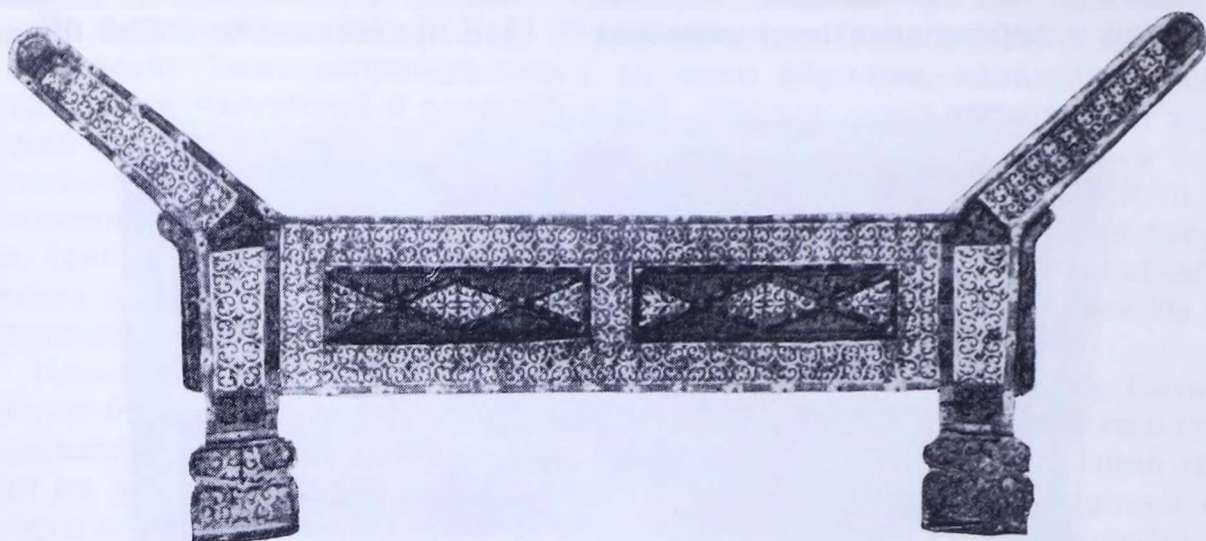
Деревянный каркас юрты мастера украшали росписью, резьбой и инкрустацией разноцветной костью, серебром, фольгой, зеркальцами, кусочками тканей, вставляемых в валик из кости. Сыромятные узелки, скреплявшие планки кереге, иногда заменяли серебряными и медными заклепками.

Двери юрты (сыкырлауык) (рис. 1) делали обычно двустворчатыми, а зачастую — филенчатыми. Но нередко глухие филенки дверей полностью или частично заменяли точеными балясинами затейливого профиля или же простыми решетками. В меньшей степени украшали двери постоянных жилищ. Во время наших поездок в Казахстан нами была встречена только одна старинная дверь, украшенная резьбой и росписью (в совхозе Озерном, Кызылтуского района, Кокчетавской области. Хозяин юрты С. Калиев рассказал, что эта дверь была изготовлена столяром Маженом Абильтасовым в 1916 г. для кирпичного дома и раскрашена братом столяра Досымом. В Сыр-Дарьинской области, по свидетельству В. В. Константиновой, казахи также украшали двери постоянных жилищ резьбой, но не дополняли ее росписью³². Украшение деревянных дверей резьбой было распространено и у народов Средней Азии — узбеков, каракалпаков, киргизов³³, что же касается инкрустации дверей костью, то этот прием характерен главным образом для казахского художественного ремесла, как и роспись их. У каракалпаков, например, украшение дверей яркой росписью считалось признаком «казахского вкуса».

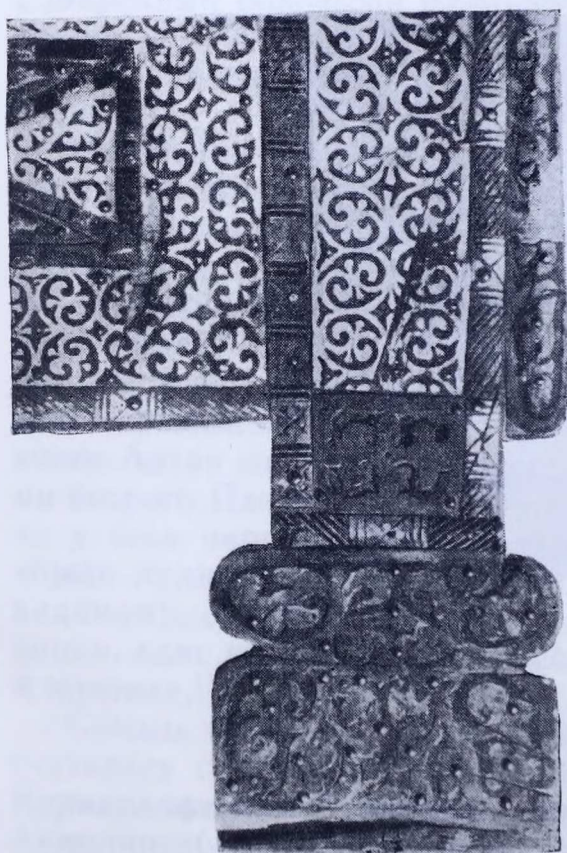
³² В. В. Константинова, Народное жилище Южного Казахстана, Кандидатская диссертация, 1954.

³³ Т. А. Жданко, Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков. «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 62—63; А. Ф. Бурковский, Из истории техники обработки дерева у киргизов, «Ученые записки исторического факультета Киргизского ун-та», вып. 3, Фрунзе, 1954, стр. 94.

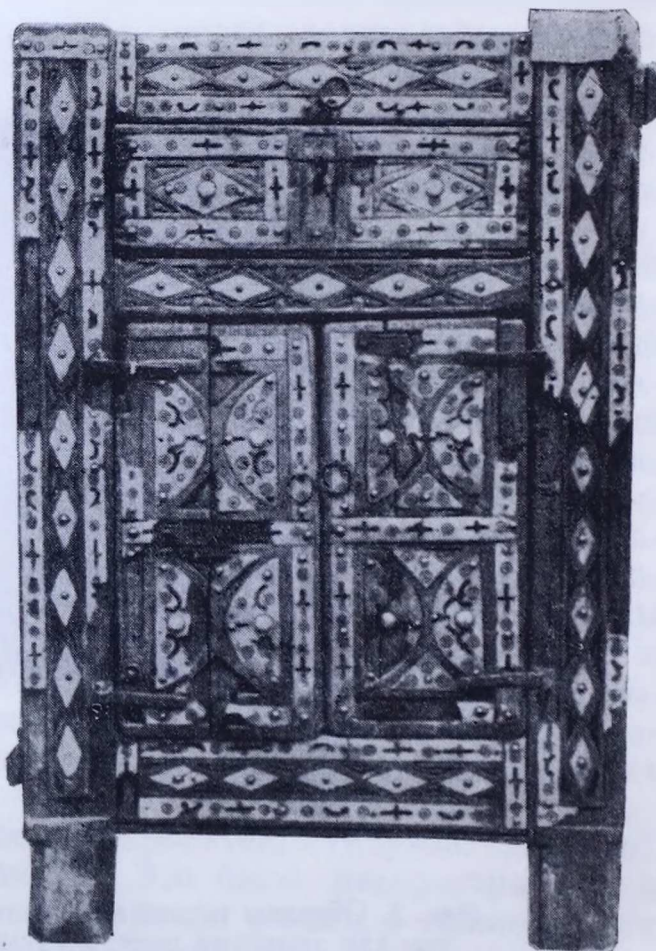
Казахские мастера изготавливали также мебель, причем украшали и тщательно отделывали лишь обращенную внутрь помещения сторону. Боковые же стороны мебели, а также верх, например у сундуков — «кебеже»,

а

б

в

Рис. 2. Образцы мебели, инкрустированной костью: а — кровать (Абаевский р-н Семипалатинской обл.; Центральный музей КазССР, Алма-Ата); б — деталь той же кровати; в — шкафчик для хранения посуды (Карагандинский музей)

сколачивали обычно из неотделанных досок. Казахская мебель отличалась легкостью и транспортабельностью, этого требовал кочевой образ жизни населения. Поэтому же ассортимент мебели был невелик.

У казахов в XIX — начале XX в. бытовали кровати (тос-ағаш) трех типов: на четырех ножках с двумя пологими спинками; с такими же спинками, но на шести или восьми ножках; с одной пологой спинкой на четырех

ножках типа кушетки. Первый тип кровати (рис. 2 а и б) встречался почти повсеместно ³⁴, второй — в Лепсинском, Зайсанском и других восточных уездах ³⁵, третий — в Омском и Павлодарском уездах ³⁶. Все эти кровати изготовляли без применения железных гвоздей и разборными. Широко бытовали и деревянные подголовники ³⁷. Они представляли собой прямо-

а

б

Рис. 3. Образцы резной мебели: а — сундук «кебеже»; б — шкафчик для хранения посуды (Темирский р-н Актюбинской обл.)

угольную раму, обшитую досками и укрепленную на треугольных подставках под наклоном в 30—35°. Мастера изготовляли также широко известные в Средней Азии колыбельки (бесик). Мелкие вещи хранились в небольших сундуках «кебеже» с крышками (рис. 3 а).

³⁴ Эти кровати зафиксированы экспедициями АН КазССР в 1956—1957 гг.

³⁵ См. МАЭ, коллекция К. Н. де-Лазари, 1897, инв. № 411—18а, б; Г. С. Загряжский. Указ. раб.; газ. «Туркестанские ведомости», 1874, № 31, стр. 123.

³⁶ См. А. И. Якоби, Поездка в киргизские степи..., «Сборник сочинений по судебной медицине», СПб., 1874, т. I, стр. 235, рис. 4, фиг. 4.

³⁷ В. В. Кранихфельд, Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде, «Памятная книжка Уральской области на 1898 г.», Саратов, 1898, стр. 28.

В меблировку казахского жилья входили различные деревянные подставки (жук-аяк, саба-аяк), на которые складывали постельные принадлежности и ставили сундуки, кожаные мешки с кумысом, ручные мельницы и пр.

Во второй половине XIX в. в районах, где была развита оседлость, а население тесно соприкасалось с русским народом, казахская мебель стала более массивной и разнообразной. Наряду с традиционными казахскими кроватями мастера стали изготавливать двуспальные кровати с вертикальными спинками, наподобие русских крестьянских кроватей, и всевозможные шкафчики с выдвижными ящиками и двустворчатыми дверцами (рис. 2 в, 3 б). В Кокчетавском, Павлодарском, Петропавловском уездах в начале XX в. распространились довольно высокие шкафы для хранения посуды и пищевых запасов, напоминающие буфеты.

Но эта мебель нового типа стоила дорого, и приобретали ее большей частью баи. Бедняки покупали более простую мебель. Однако и они стали предъявлять спрос на мебель более крупных размеров. Так, большой спрос был на длинные сундуки «кебеже» для хранения зерна, на верхней плоскости которых имелось небольшое квадратное отверстие с крышкой.

Казахские мастера и в изготовлении новой мебели остались верны национальным традициям своего ремесла. По-прежнему основное внимание уделялось украшению и тщательной отделке только одной из сторон изделия. В новую по форме мебель мастера внесли значительные изменения; так, например, кровати с вертикальными спинками изготавливались ими с широкими боковыми планками, чтобы их можно было лучше украсить. Кроме того, некоторые мастера в таких боковых планках прорезали отверстие для выдвижных шкатулок (суырма), в которых хранились мелкие вещи.

Низенькие, так называемые азиатские, столики бытовали в западной части Тургайской области, в Омском, Петропавловском и Кокчетавском уездах Акмолинской области, в Павлодарском уезде Семипалатинской области и в Семиречье. Верх таких столиков покрывали росписью, а ножки — резьбой³⁸. В Кокчетавском уезде эти столики делали разборными из двух частей: съемного верха и ножек, соединенных между собой подвижной крестовиной. Небезынтересно отметить, что низенькие столики со съемными крышками овальной формы и резными ножками бытовали у кочевников Алтая еще в V—III вв. до н. э., как это было установлено раскопками второго Пазырыкского кургана³⁹. Такие столики были распространены не у всех народов Средней Азии. У киргизов они встречались редко и «были принадлежностью богатого жилища»⁴⁰; у каракалпаков они, по видимому, отсутствовали. Т. А. Жданко пишет, что каракалпаки «по традиции, едят всегда на полу, расстелив скатерть — дастархан на войлоках и коврах»⁴¹.

Самым богатым украшением мебели (кроватей, сундуков, шкафов) считалась сплошная инкрустация костью. Это было распространено в Каркаралинском, Семипалатинском и Тургайском уездах, а также на юге Акмолинской области. В Петропавловском, Кокчетавском и других уездах больше встречались резьба и роспись по дереву. Для резьбы по дереву у казахов имелся довольно сложный инструментарий: «шот» для первоначальной обработки дерева; ножи для образования контура рисунка (сызупышак) и для удаления лишних кусков дерева (ою-пышак и кашау-пышак); набор долот (кашау) с ровным и зубчатым рабочим концом для нанесения на дерево прямых и зигзагообразных линий; осколки стекла

³⁸ Б. Ю з е ф о в и ч, Указ. разб., стр. 824; Государственный музей этнографии народов СССР, фотоколлекция П. Н. Бекетова, 1906, Павлодарский уезд, № 1019—4, 5, 17; МПКС, т. I — Кокчетавский уезд, Воронеж, 1898, стр. 72.

³⁹ С. И. Р у д е н к о, Второй Пазырыкский курган, Л., 1948, стр. 20—21.

⁴⁰ С. М. А б р а м з о н, Очерк культуры киргизского народа, Фрунзе, 1946, стр. 34.

⁴¹ Т. А. Ж д а н к о, Быт каракалпакского колхозного аула, «Сов. этнография», 1949, № 2, стр. 51—52.

для шлифовки дерева; шилья (биз); бурав (бурги) для высверливания отверстий и т. д.

Резьбу выполняли по рисунку, контур которого вычерчивали прямо на дереве ножом сызу-пышак⁴². В этой работе казахского резчика несколько отличалась от работы узбеков и киргизов. По сообщению В. Развадовского, узбекский мастер сначала наклеивал на дерево бумагу, рисовал на ней орнамент, затем стамесками отбивал контур на дереве, удалял бумагу и начинал резьбу⁴³. Киргизский же мастер натирал дерево «сырой печенью овцы..., намазывал сажей и на этот слой наносил мелом рисунок, по которому вырезал узор ножом»⁴⁴.

Казахские мастера, наряду с резьбой, для украшения мебели применяли и выжигание по дереву. Резьба по дереву существует на территории Казахстана с глубокой древности. Археологическими исследованиями установлено, что, например, на Алтае уже в середине I тысячелетия до н. э. «техника художественной резьбы по дереву была превосходна»⁴⁵. По мнению С. И. Руденко, изобретателями этой резьбы были кочевники. Поэтому совершенно необоснованны утверждения Н. М. Бачинского, что казахи, как и «кочевые народности» — киргизы и туркмены (т. е. тюркские народы), восприняли художественную резьбу после «передвижения на территорию Средней Азии» у местного автохтонного населения⁴⁶.

Технические приемы резьбы, применявшиеся казахскими мастерами, а именно — контурная, барельефная, плоско-рельефная и трехгранно-выемчатая — описаны в литературе⁴⁷.

В художественной резьбе по дереву казахи преимущественно применяли растительный орнамент (агаш ою, гул ою), геометрический и, в меньшей степени, зооморфный. Зато элементы зооморфного орнамента широко применялись в росписи по дереву.

Казахская орнаментика сходна с узбекской и в особенности с киргизской, но имеет самостоятельную историю и специфические особенности, которые можно проследить как в композиционном решении рисунка, так и в характере отдельных его элементов и в степени их использования. Кроме того, казахская орнаментика отличается от узбекской тем, что для первой характерны сочетания более крупных элементов, а для второй — мелких.

В силу позднего и слабого распространения ислама у казахов, а также длительного существования у них кочевого скотоводства, зооморфные по происхождению элементы в казахском орнаменте встречались значительно чаще, чем в узбекском. Поэтому, несомненно, Р. Карутц имел основание считать изображение так называемого «бараньего рога» (кошкар муйыз) одной из характерных особенностей казахского орнамента⁴⁸.

Значительное развитие получило у казахов седельное производство. Почти повсеместно мастера (ерши) изготавливали седла, известные под названием «казак ер». В разных местностях они различались главным образом формой передней луки (рис. 4а, б, рис. 5б).

Инструментами седельщиков были топоры «шот» теслообразного типа: с прямым лезвием (шаппашот), с выпуклым (куысшот), с вогнутым (терисшот), рашпили (улкен турпи, кайкы турпи), шилья (биз, куыс ку-

⁴² См. материалы М. С. Муканова в Ин-те истории АН КазССР.

⁴³ В. Развадовский, Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае, «Туркестанское сельское хозяйство», Ташкент, 1916, № 5, стр. 450.

⁴⁴ А. Ф. Бурковский, Указ. раб., стр. 94.

⁴⁵ С. И. Руденко, Второй Пазырыкский курган, стр. 21.

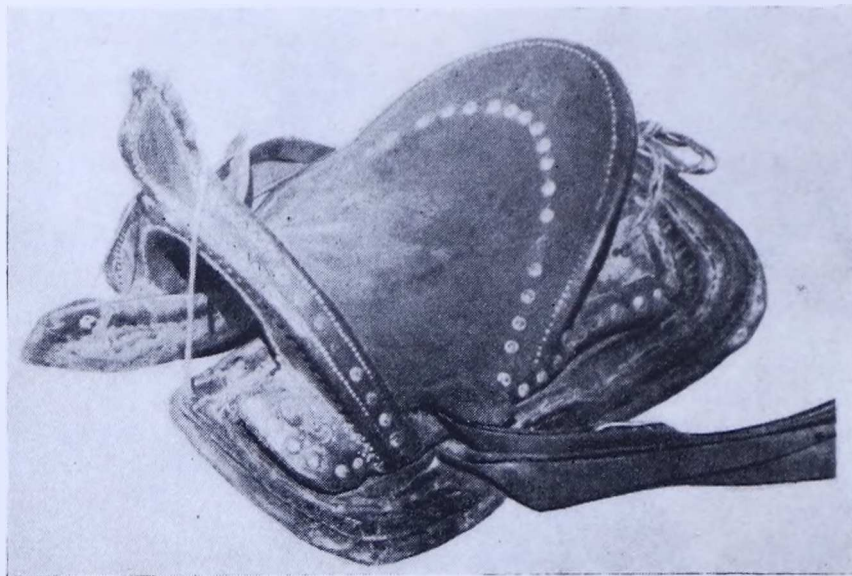
⁴⁶ Н. М. Бачинский, Резное дерево в архитектуре Средней Азии, М., 1947, стр. 5.

⁴⁷ Ш. Кутхужин, Казахская орнаментика, «Изв. АН КазССР. Серия искусствоведческая», Алма-Ата, 1950, № 1, стр. 58.

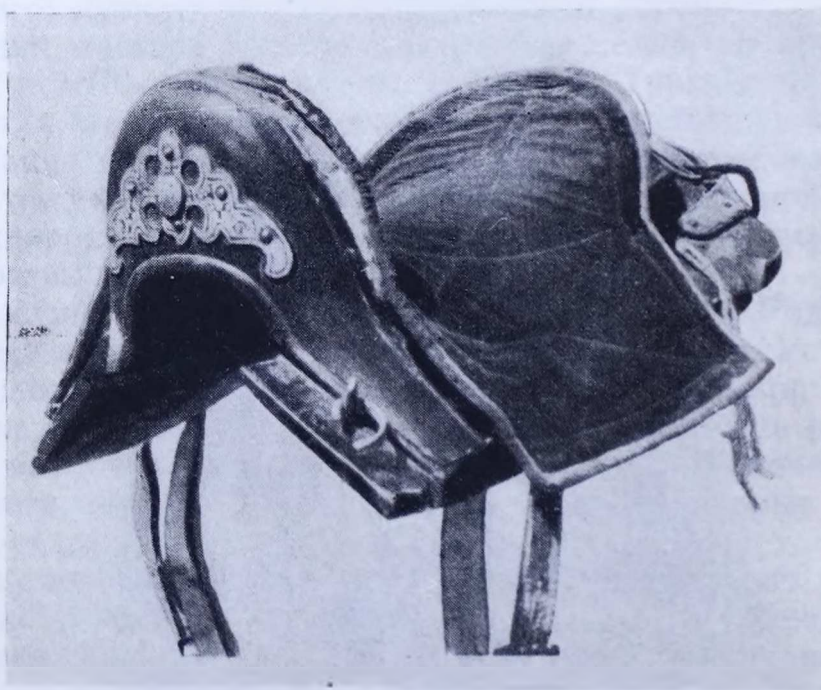
⁴⁸ Р. Карутц, Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке, СПб., 1911, стр. 140—172.

лак), молоток (балта), топор (балта), пила (орак), нож (пышак). Для обеспечения правильного наклона и ширины полок ленчика применялся ограничительный станок (калып).

Ленчик казахского седла изготовляли из сырой березы. Сначала мастер распиливал дерево на заготовки и сразу же топором и шотом придавал

a

б

Рис. 4. *a* — седло из Темирского р-на Актыбинской обл.;
б — седло из Кызылтусского р-на Кокчетавской обл.

им грубую форму отдельных частей ленчика. Заготовки выставляли на солнце и сушили в течение 10—15 дней. В дальнейшем мастер шотом и ножом окончательно отделывал их и передавал своему помощнику (турпиши), который при помощи рашпилей и осколков стекла стачивал все неровности и шероховатости частей ленчика и покрывал его лаком⁴⁹. В заключение сам мастер собирал ленчик на станке (рис. 5 *a*), скрепляя

⁴⁹ Иногда ленчики обшивали кожей, кошмой, бархатом, но нередко оставляли их без обшивки и лишь накладывали на них при седлании подушку или небольшое стеганое одеяло и т. п.

части ленчика стержнями, которые скручивал из жести его помощник. Стержни вставляли в готовые уже отверстия и расклинивали с обеих сторон.

a

б

Рис. 5. а — мастер за изготовлением седла; б — ленчик казахского седла с чепраком из кожи с тиснением (Чубартауский р-н Семипалатинской обл.)

Основными частями ленчика были две полки (каптал), передняя и задняя луки (алдынгы мен арткы кас) и вкладыш между луками (коспа, арка) (рис. 5 б). Иногда мастера не вставляли вкладыша, удлиняя обе луки в местах их соединения или же вытачивая вкладыш вместе с обеими

полками. Этот тип седла характерен для соседних народов — башкир и киргизов. В отличие от северных казахов семиреченские казахи изготовляли ленчики не только составные, но и из одного куска дерева⁵⁰, как и киргизы⁵¹. Кроме того, семиреченские казахи кипятили части ленчика 2—3 часа в соленой воде, а киргизы — около часа в пресной воде, чего северные казахи не делали. Сушку ленчиков в этих случаях производили в прохладном месте в течение одной недели. Коренных отличий в технике производства ленчиков у казахов и киргизов не было, чего нельзя сказать об узбеках. Достаточно напомнить, что, например, в Самарканде, Ташкенте и Бухаре⁵² ленчик склеивали из 22—32 частей и над одним и тем же ленчиком работало не менее 7—8 человек⁵³.

Казахское седло, по-видимому, ближе всего по форме к башкирскому. «За исключением некоторых деталей, — пишет С. И. Руденко, — башкирское седло не отличалось как от самых древних седел с деревянной основой, так и от современных ему седел степных кочевников-скотоводов, в частности казахов»⁵⁴.

Казахские мастера изготовляли к седлам деревянные стремена (узенги) из сырой березы. Из нее топориком «шот» и ножом подготавливали заготовку, длиной не менее чем 55—65 см и диаметром в 3,5—4 см, распаривали ее в тлеющем кизяке и выгибали в специальной колодке (калып), представлявшей собой плоский кусок дерева с вырезом внутри в форме стремени.

Седла и стремена седельщики иногда украшали костью овец, коз и других животных или рогом. А. К. Гейнс со слов М. Чорманова в 1865 г. записал: «...седла работы Юсеновского рода Павлодарского уезда ценятся очень дорого; лучшие из них обделываются рогом»⁵⁵.

Для женщин мастера изготовляли особые седла, но производство их прекратилось в 1870—1880-х годах. В 1896 г. Тургайский выставочный комитет отметил, что женские седла являлись уже большой редкостью⁵⁶. Краткое описание их дал в 1877 г. В. Потто. Женские седла, писал он, «отличаются тем, что передняя лука делается выше и прямее, а задняя чрезвычайно широка и выгнута по краям немного вверх, что делает подобные седла чрезвычайно удобными и покойными»⁵⁷.

У казахов существовали и детские седла (ашамай). Родители приучали детей ездить верхом с трех-четырехлетнего возраста. Устройство ашамая было несложным. Обе его луки делали решетчатыми, высокими и с развилками, на концах которых имелись отверстия. Когда ребенок садился в седло, в эти отверстия вставляли палочки, и они прочно удерживали наездника. Ноги, вместо стремян, вставляли в войлочные мешки, прикрепленные к седлу.

Во второй половине XIX в. в казахских аулах возросло значение колесного транспорта. Уже в 1870—1880-х годах нередко можно было наблюдать перекочевки на телегах, на которых поверх имущества сидели женщины и дети. Но колесный транспорт на территории Казахстана имеет глубокие традиции. Исторические данные по этому вопросу, начиная с

⁵⁰ И. В. Захарова, Материальная культура казахов-колхозников юго-восточного Казахстана, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 3, Алма-Ата, 1956, стр. 182—183.

⁵¹ А. Ф. Бурковский, Указ раб., стр. 96.

⁵² Н. Габбин, Производство седел (ленчиков), «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. VII, Ташкент, 1899, стр. 19.

⁵³ Н. А. Кирпичников, Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области, «Справочная книжка Самаркандской области на 1897 год», вып. 5, Самарканд, 1897, стр. 144—146.

⁵⁴ С. И. Руденко, Башкиры, М.—Л., 1955, стр. 253.

⁵⁵ А. К. Гейнс, Указ. раб., стр. 321.

⁵⁶ ЦГИА КазССР, ф. 318, сп. 1, д. 19, св. 3, л. 55.

⁵⁷ В. Потто, Из путевых заметок по степи, «Военный сборник», т. 118, № 11, СПб., 1877, стр. 172.

VI в. до н. э., проследил А. Х. Маргулан⁵⁸. Он приводит слова историка первой половины XVI в. Рузбехана о том, что казахи «делают с большим искусством крепкие арбы на четырех колесах и с кибиткой наверху... этих арб так много, что во время остановок и стоянок, сливаясь друг с другом, тянутся на сотню монгольских ташей»⁵⁹.

В XIX в. у казахов были двухколесные арбы (кос аяк арба). Имея в виду начало века, Б. Д. Даулбаев в 1881 г. писал: «В старое время при перекочевке богатые казахи возили свои кибитки и прочее имущество на верблюдах, а бедные на двухколесных арбах, в которые запрягались быки и даже коровы, а русских телег не было»⁶⁰.

Во второй половине XIX в., наряду с двуколками, у казахов появились и четырехколесные телеги. В земледельческих районах страны, как, например, в Кустанайском уезде, двуколки в 1880-х годах были полностью заменены русскими телегами, так как первые «были негодны для перевозки сена и снопов»⁶¹. В 1899 г. в газете «Туркестанские ведомости» отмечалось, что «русская телега легко привилась у киргиз Тургайской области»⁶². В других районах страны двуколки бытовали вплоть до 1920-х годов.

Арбы изготовляли казахские мастера (арбашы) в большом количестве. Так, только в одном Кокчетавском уезде ежегодно выделяли около 35 тыс. арб⁶³. Самым сложным в производстве арб считалось изготовление колес. И. Слобцов, посетивший в 1878 г. мастерскую арбашы, писал: «Самую таратайку (т. е. арбу.— Э. М.) сколотит всякий казах, но не всякий может сделать колеса; для этого нужен мастер»⁶⁴.

Необходимый для арбы материал, главным образом березовый лес, заготавливали ранней весной и осенью. Сразу же после рубки леса мастер из сырой березы выделял все части арбы. В остальное время года он только собирал и сколачивал арбы деревянными гвоздями, совершенно не применяя железа. Срубив лес и очистив его от сучьев, мастер распиливал бревно на определенные части. Для будущих ступиц (купшек) он отпиливал чурбаки длиной в 60 см и диаметром в 20 см, для ободьев колес (кыйма, букпе шенбер) — 90—100 см и диаметром до 10 см, для спиц (шабак) — соответственно 50—55 см и 3—4 см, для осей (белагаш) 150 см и 6—7 см, для оглобель (жетек) — 300 см и 9—10 см.

Дальнейшая обработка дерева происходила на верстаке. Топориками «шот» мастер постепенно обрабатывал все заготовки и придавал им нужную форму. Отверстия в ступицах и пазы для закрепления спиц выдалбливали стамесками (кашау). Сборку колес производили на станке «есик» — деревянной рогатке, укрепленной на четырех ножках⁶⁵. Спицы в пазы ступиц и ободьев вгоняли деревянной колотушкой (кол-топак).

Казахские двухколесные арбы значительно отличались от среднеазиатских. Казахи изготовляли колесные ободья из четырех полуободьев, а узбеки из двух. Диаметр колеса у казахов достигал в среднем 120 см, а у ташкентских узбеков — 210 см. Соответственно количество спиц равнялось в среднем 12 и 16. В 1880-х годах узбеки под влиянием русских стали применять железные шины, чугунные втулки и другие новшества, не освоенные казахами вплоть до Октябрьской революции. Разница была

⁵⁸ А. Х. Маргулан, Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, Алма-Ата, 1950, стр. 12—16.

⁵⁹ Цит. по указ. раб. А. Х. Маргулана, стр. 13.

⁶⁰ Б. Д. Даулбаев, Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 г., «Записки Оренбургского отдела Русского географического общества», вып. 4, 1881, стр. 102.

⁶¹ МПКЗ, т. V — Кустанайский уезд, 1903, стр. 93.

⁶² О. Ш., От Орска до Казалинска, газ. «Туркестанские ведомости», 1889, № 33, стр. 125.

⁶³ И. Слобцов, Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г., «Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», кн. 21. Омск, 1897, стр. 17.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ См. альбом А. С. Мелкова, МАЭ, инв. № И-1659—206.

и в материале, инструментарии, приемах работы и организации арбяного производства⁶⁶. У каракалпаков, по свидетельству Т. А. Жданко, бытовали два типа арбы: «тат-арба», заимствованная у узбеков южного Хорезма, и «телеген-арба», старинная, каракалпакская. Тат-арба резко отличалась от казахской арбы: ободья тат-арбы состояли из большого количества деревянных частей, спиц было 18, диаметр колеса достигал 180 см. Телеген-арба отличалась от казахской арбы тем, что ее колеса также имели 18 спиц (а не 12, как у казахов), ободья состояли из двух-трех частей. Сближали телеген-арбу с казахской арбой отсутствие металлических частей и сравнительно небольшой диаметр колеса (135 см)⁶⁷. У киргизов до Октябрьской революции собственного колесного транспорта не было, и только «среди южных киргизов имела некоторое распространение заимствованная от узбеков двухколесная арба»⁶⁸.

Когда казахи стали делать, наряду с арбами, в большом количестве четырехколесные телеги, техника производства у них почти не изменилась. Железа по-прежнему не применяли. Лишь диаметр колес несколько уменьшился.

Деревянные арбы и телеги часто ломались и выходили из строя. Поэтому состоятельные казахи покупали более прочные русские телеги, легчанки на железном ходу и т. п. Для зимней езды казахи имели неокованные сани (жегпели шана) без оглобель.

В районах поливного земледелия мастера возводили деревянные ирригационные сооружения, из которых наибольший интерес представляет широко известный чигирь (шыгыр)⁶⁹.

Обширным было в Казахстане и производство деревянной посуды, в котором были заняты мастера-профессионалы. Однако во второй половине XIX — начале XX в. это производство переживало кризис. В 1878 г. И. Словцов писал: «...ручной труд этого производства, когда-то сильно развитый в степи, в настоящее время падает»⁷⁰. Основная причина этого заключалась в конкуренции привозной, более доброкачественной металлической, стеклянной и фаянсовой посуды. Но, конечно, привозную посуду приобретали преимущественно зажиточные слои населения, бедняки же продолжали пользоваться деревянной утварью. Поэтому производство последней сохранялось в известной степени и в начале XX века.

Одной из отличительных особенностей казахской деревянной посуды была ее величина. Чаши, вмещавшие мясо целого барана, не были редкостью. Еще И.-Г. Георги писал, что казахам «превеликие из березового суку выделанные миски так милы, что за нарочито великую чашку дают иногда и лошадь»⁷¹. А. Харузин в 1888 г. видел в казахском ауле, как

Рис. 6. Резное деревянное ведро для хранения посуды (Темирский р-н Актыбинской обл.)

⁶⁶ Н. Г а б б и н, Арбяное производство в Ташкенте, «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. VIII, Ташкент, 1900, стр. 223—247.

⁶⁷ Т. А. Ж д а н к о, Каракалпаки Хорезмского оазиса, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 544—549.

⁶⁸ С. М. А б р а м з о н, Указ. раб., стр. 39.

⁶⁹ МПКЗ, т. V — Перовский уезд, Ташкент, 1912, стр. 80, 88.

⁷⁰ И. С л о в ц о в, Указ. раб., стр. 70.

⁷¹ И.-Г. Г е о р г и, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, СПб., 1776, ч. II, стр. 130.

женщины «в одну большую чашу свободно влили пять ведер кумыса»⁷².

Деревянную посуду изготовляли при помощи токарного станка, описанного еще в 1785 г. И. Г. Андреевым, сообщавшим, что казахи «точат деревянную посуду, из которой бывают чаши величиною в диаметре до трех футов, и удивительным образом, выкопав яму и поставя над оною два столба, один человек должен обыкновенно ремнем вертеть, а другой с инструментами сидя точить»⁷³. Изготовляли и долбленую посуду. В протоколах 1871 г. Семипалатинского выставочного комитета записано, что деревянное блюдо казахи «делают без помощи токарного станка простыми долотом и ножом из цельного куска березы»⁷⁴, а о других предметах (чажки, половники), — что они «приготавливаются из корня березы посредством отточенных стальных крючков и простого киргизского ножа. Сглаживаются порошком наждака, наклеенным на кусок кожи»⁷⁵. Для обработки дерева пользовались также неизменным топориком «шот» и резцом «унгуйр» с деревянной ручкой и коротким вогнутым лезвием. Материалом для изготовления посуды служили комельная часть и наросты березы.

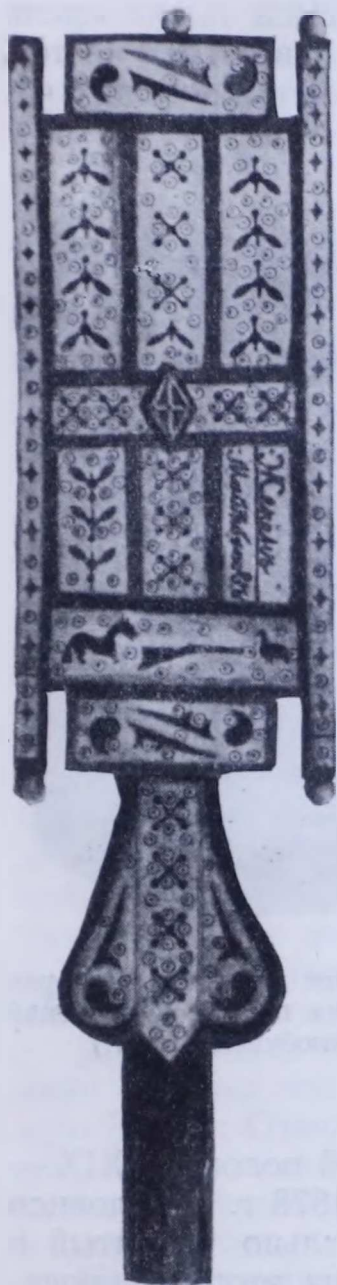

Рис. 7. Головка деревянной мешалки «пспек» для взбалтывания кумыса, инкрустированная костью (Центральный музей КазССР)

Посуду окрашивали в темно-красный, коричневый и желтый цвет. Большие чаши для кумыса (тегене) и мяса (шара, астау, таба) почти всегда полировали. Иногда их опоясывали для прочности латунными лентами, скрепленными серебряными и медными заклепками, и украшали росписью. Деревянные ковши, футляры для посуды, кадочки для масла и сметаны, ведерки украшали резьбой (рис. 6). Но в особенности большое внимание уделялось украшению верхней части мешалок для кумыса (пспек, рис. 7), колотушек для сахара (кант токпак), ручек ковшей (ожау). Их покрывали резьбой и инкрустацией костью и серебром. В изготовлении ковшей мастера проявляли удивительную изобретательность. Ковши, двойные или одинарные, вместе с ручками вырезали из цельного куска дерева, с затейливыми кольцами и цепочками. Некоторые ковши изготовляли в виде лебедей, и когда их опускали в кумыс, они плавали на поверхности.

Во второй половине XIX в. мастера несколько расширили ассортимент своих изделий и, подражая русским образцам, стали делать деревянные чашечки с блюдечками, вилки, ложки, чернильные приборы, подсвечники, мундштуки.

Качество казахской деревянной посуды было высоким. В 1882 г. экспертная комиссия Московской промышленно-художественной выставки отметила, что казахская посуда «отличается чистотой работы и хорошей отделкой»⁷⁶.

Казахские мастера по дереву изготовляли также музыкальные инструменты (домбру (рис. 8 а, б), кобыз, сыбызгы), охотничьи барабаны (дабыл), настольные игры (тогыз кумалак) и многое другое.

⁷² А. Харузин, Степные очерки, М., 1888, стр. 148.

⁷³ И. Г. Андреев, Описание Средней орды киргиз-кайсаков..., «Новые ежемесячные сочинения», ч. 115, СПб., 1796, стр. 54—55.

⁷⁴ ЦГИА КазССР, ф. 460, оп. 1, д. 26, св. 3, л. 83.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ «Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве», т. V, СПб., 1883, стр. 36—37.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. обработка дерева достигла у казахов значительного развития. Несмотря на примитивность инструментария и техники производства, народные мастера

а

б

Рис. 8. Образцы резьбы и инкрустации костью на музыкальных инструментах: а — домбра из Темирского р-на Актюбинской обл.; б — домбра из Актюбинского музея

умели изготавливать весьма разнообразные и высокохудожественные изделия, удовлетворявшие хозяйственные и бытовые потребности казахского народа.